

Всего за несколько минут ситуация успела измениться до неузнаваемости.

Белая верблюдица хотела выманить Райнера Ливиуса с помощью Ли Вэя, а ответный ход Райнера Ливиуса оказался кратким и грубым: выстрелить в Ли Вэя и тем самым заставить его защитника показаться. Обычный человек на такое, разумеется, не способен. Ведь если защитник промахнётся или не настолько дорожит жизнью приманки, разве не получится, что он собственными руками убьёт своего родственника?

Но Райнер Ливиус именно так и поступил. И как раз в тот момент, когда он принял это холодное, бесчеловечное решение, другой киллер тоже выстрелил в Ли Вэя. В ту самую критическую долю секунды у Райнера Ливиуса было два варианта: либо стрелять в уже раскрывшуюся белую верблюдицу, либо помочь Ли Вэю устранить убийцу.

Он выбрал второе.

Белая верблюдица была этим крайне удивлена. Даже когда Ли Вэй, тяжело дыша, быстрым шагом добрался до снайперской точки, где только что находился Райнер Ливиус, она по-прежнему не могла понять его логику и пробормотала:

— Если он готов был ранить тебя, лишь бы расправиться со мной, то почему вдруг выстрелил в того киллера? Разве это не противоречие? Неужели в нём всё-таки осталось хоть немного отцовских чувств?

Ли Вэй до боли сжал губы и напряг щёки, чтобы не дать эмоциям вырваться наружу. Эта короткая стычка с Райнером Ливиусом, как и ожидалось, закончилась для него поражением, и от этого ощущение, что Райнер действительно жив, стало особенно реальным. Злость, разочарование и раздражение одновременно бурлили у него внутри. Он молчал лишь потому, что не хотел срываться на белую верблюдицу.

Но стоило ей заговорить об отцовских чувствах, как он язвительно отозвался:

— Если охотник уверен в победе, он не станет слишком переживать из-за добычи, которая случайно сорвалась. Наверное, по сравнению с нами тот киллер показался ему большей угрозой.

Белая верблюдица, превратившаяся в птичку, не обиделась. Она прыгала по оконной раме и что-то тихо попискивала себе под нос.

Ли Вэй на неё не смотрел. Опустив голову, он дюйм за дюймом осматривал место, где только что стоял Райнер Ливиус.

— Судья оставил какие-нибудь следы? — спросила белая верблюдица.

— ...Нет, — холодно ответил Ли Вэй. — Он проворнее кролика. Чем он все эти годы занимался, только ноги и тренировал? Впрочем, в его возрасте это логично. Чтобы родной сын не выдернул у тебя кислородную трубку, приходится бегать побыстрее.

Белая верблюдица была на редкость незлопамятна и к провалам уже привыкла:

— Успокойся. По крайней мере, в этот раз он ничего от нас не получил.

— Ха.

Ли Вэй криво усмехнулся. Подавленность у него была написана на лице. Опустив голову, он сел на скамью в церковном коридоре.

Через некоторое время он спросил у белой верблюдицы:

— Судья ведь каждый год появляется, чтобы вершить правосудие на совете Чёрного Песка. Ты ни разу не пыталась схватить его в такой момент?

— Я каждый год его караулю, — ответила белая верблюдица. — Как ты думаешь, почему я вообще остаюсь в пустыне?

Конечно, ещё и потому, что братья и сёстры из Совета Чёрного Песка приносили ей на редкость щедрые жертвы.

Белая верблюдица сказала:

— Но каждый раз он посылает вместо себя лишь каких-то незначительных людей передать его слова. Сам он никогда не появляется.

Судя по всему, в этом году, если бы бедуины не упомянули Ли Вэя в письме, он бы тоже не вернулся лично.

До чего хитрый. До чего мерзкий. В своей голове Ли Вэй уже от души избивал образ Райнера Ливиуса руками и ногами.

Жаль только, что воображаемая расправа реальных проблем не решала. Поразмыслив довольно долго, белая верблюдица с сожалением сказала:

— Ладно. Похоже, всё-таки придётся ждать следующего шанса... той самой встречи в

Потустороннем мире.

У Ли Вэя шевельнулась мысль.

Это был уже третий раз, когда он слышал об этом. И Эрик, и Маджер, оба злых духа, уже упоминали её, но знали о ней почти ничего. Большинство злых духов считали эту встречу чрезвычайно важной, однако толком объяснить, почему именно, не могли.

А теперь перед ним наконец оказался хорошо осведомлённый и щедрый на информацию собеседник. То есть богиня.

Ли Вэй спросил:

— Что за встреча?

— В этом году в июне как раз исполнится год с тех пор, как Потусторонний мир соприкоснулся с реальностью, — ответила белая верблюдца. — Сам знаешь, злые духи разобщены. У них нет правительства, нет правителя с достаточным авторитетом, а отношение к людям у них и вовсе у всех разное. Но живут они в одном и том же хаотичном мире, и если так тянуть слишком долго, начнутся проблемы. Поэтому злые духи по собственной инициативе решили выбрать один день...

Ли Вэй перебил:

— Чтобы выпустить декларацию независимости?

— Чтобы собраться вместе и обсудить важные дела, — упрямо закончила белая верблюдца. — Какой именно путь они выберут, зависит от того, смогут ли избрать правителя и будет ли у этого правителя хоть какое-то образование. Даже затворники среди злых духов и богов постараются прийти и стать свидетелями этой встречи, так что Судья обязательно там появится.

Приглашение на эту встречу было своего рода символом статуса и силы. Неудивительно, что Эрик с остальными, даже будучи до смешного слабыми, всё равно писали письма, заводили связи и пытались любой ценой достать себе такой билет.

Ли Вэй всё понял и поднялся.

— Постараемся не терять связь и за несколько месяцев до этой встречи кое-что подготовим. Но сейчас мне пора. Снаружи того несчастного киллера по-прежнему ждут, чтобы кто-нибудь забрал его труп. И только сейчас я вспомнил, что, кажется, перед началом операции забыл предупредить начальство. А ведь он строго велел мне стоять на месте и не двигаться.

Говоря это, он повернулся и машинально опёрся на стену, но случайно задел механизм, открывавший золотую тайную комнату.

Раздался глухой грохот, и скрытая в стене каменная дверь толщиной в полметра медленно отъехала в сторону, открыв помещение площадью примерно семь или восемь квадратных метров.

Райнер Ливиус явно бывал здесь. Он оставил песочно-жёлтую водонепроницаемую куртку, широкополую фетровую шляпу, висевшую на спинке стула, и полкоробки спичек, рассыпавшихся по столу. Свеча в комнате уже погасла, но в центре деревянного стола лежала записка. Чернила на ней ещё не успели высохнуть.

В записке было написано:

«У тебя ещё есть два пути».

Это были слова Райнера Ливиуса, оставленные для Ли Вэй!

— Что он имеет в виду? Какие именно два пути? — белая верблюдница, превратившаяся в яркую птичку, нетерпеливо подлетела ближе. — Тсс... уж не намекает ли он, что ты можешь переметнуться на его сторону?

Там, где Ли Вэй не видел, птичка потихоньку подняла крыло.

Если бы Ли Вэй хоть немного показал, что хочет последовать за Райнером Ливиусом, этот удар уже обрушился бы на него.

Но Ли Вэй всего пару секунд смотрел на записку, а затем внезапно выхватил пистолет и прицелился в лежавшую рядом непромокаемую куртку.

Белая верблюдница: ???

В следующее мгновение у неё на глазах Ли Вэй принялся выпускать всю обойму в куртку, будто это и был Судья, и будто он таким образом вымещал злость!

— Он всегда так! С виду великодушно даёт тебе право выбора, но на деле из этих двух путей один он считает правильным, а второй неправильным. И если ты выберешь не тот...

Ли Вэй не договорил, что бывает с теми, кто выбирает неправильно.

Когда обойма опустела, он уже хотел вставить следующую. Белая верблюдница заметила, что

дружелюбный совет родного отца, похоже, довёл Ли Вэя почти до срыва, и поспешно сказала:

— Не горячись. Подумай о чём-нибудь хорошем, о чём-нибудь хорошем... Перед тем как прийти сюда к Райнеру Ливиусу, ты ведь был в хорошем настроении?

Ли Вэй на секунду замер. Уже занеся подсвечник, чтобы швырнуть его об пол, он остановился.

Белая верблюдица мягко продолжила:

— Почему?

Ли Вэй постоял молча, поставил подсвечник обратно, выровнял дыхание и рассеянно поднял руку к шее, коснувшись висевшей там латунной застёжки.

Белая верблюдица тоже заметила ожерелье необычной формы и задумчиво поджала клюв.

— Тот, кто подарил тебе это ожерелье, тоже довольно странный человек. Вы оба очень странные. Люди обычно радуются, сравнивая себя с другими. Но, насколько я вижу, ты вовсе не получил больше остальных... И всё же в последнее время ты, наверное, был самым счастливым человеком во всём городе. Нет, во всей пустыне.

Внимание Ли Вэя переключилось. Он обернулся и спросил:

— Настолько?

— Настолько, — уверенно кивнула белая верблюдица. — Я вижу, что Чёрный песок тебе совсем не нужен. У каждого человека есть те или иные мирские желания: жажда успеха, жажда денег, жажда любви... Но тогда, в моих глазах, у тебя внутри была полная пустота.словно...

— У меня уже было всё, что мне нужно.

Ли Вэй хрипло договорил за неё. Он ссутулился, медленно присел на корточки и уткнулся лбом в колени.

— Но теперь Райнер Ливиус вернулся. И проклятия на мне больше нет.

Белая верблюдица изумлённо спросила:

— Только не говори, что ты хотел оставить это проклятие?

— Не хотел, — глухо ответил Ли Вэй. — Мне плевать, нравлюсь я остальным или нет. Я хочу только одного: чтобы тот, кто нравится мне, любил меня.

Пусть их чувства и были искажены магией, пусть такие отношения никак нельзя было назвать любовью в полном смысле, и пусть между ними в любом случае не могло возникнуть по-настоящему устойчивой связи, всё равно он успел испытать почти безумное насыщение и счастье, родившиеся на фоне всеобщей катастрофы.

Как было бы хорошо, если бы такая жизнь могла длиться вечно.

Но Райнер Ливиус вернулся. Уильям Дрейтон уйдёт. Он лишится всего.

Даже если бы случилась только половина из этих бед. Если бы, например, Райнер Ливиус и дальше лежал в гробу, Ли Вэй был уверен, что не переживал бы так сильно. Он бы просто долго и спокойно привыкал к новой реальности. А не шёл бы весь в ранах и грязи на поле боя, не доказывал бы мертвецу, что живёт хорошо, что поступил правильно, отвергнув путь Райнера Ливиуса, и что выбор его не был ошибкой.

Чёрт!

Ли Вэй вцепился себе в волосы и ещё ниже опустил голову.

Белая верблюдница расслышала дрожь в его голосе.

Она растерянно огляделась по сторонам. Но Чёрная свеча и уродливый кот дружно делали вид, что они страусы. От этих мусорных коллег вообще никакого толку!

— Ну... это... — она прочистила горло. — Человек, который тебе дорог, это Уильям Дрейтон? Так это же вообще не проблема. Когда у всех разгорелись желания и люди разбивали друг другу головы из-за Чёрного песка, знаешь, о чём он думал на передовой? Только о тебе. У него в голове просто не осталось места ни для карьеры, ни для амбиций. Ты был единственным человеком и единственным делом, которое его волновало. После того как его захлестнули желания, всё его сознание было занято только тобой...

Ли Вэй перебил её:

— Это всё из-за проклятия уродливого кота.

Белая верблюдница осеклась. Ей до зуда в крыльях захотелось вклепать этому коту по морде.

Ну вот чего ты полез между влюблёнными и начал разливать своё приворотное зелье! Совесть у тебя есть?

И главное, этот человек ещё и сын Судьи!

Ты всего лишь больной кот, а уже вздумал дёргать тигра за усы!

Уродливый кот зарыл свою жабую морду в лапы и молчал. Белая верблюдица тоже больше ничего не смогла придумать. Оставалось только с тоской смотреть, как Ли Вэй, потратив немного времени, всё-таки взял себя в руки, а затем с каменным лицом вышел в церковный сад.

Он хотел проверить, что там с телом киллера, затем позвонить Дрейтону и сообщить, где находится, а заодно, если получится, попросить несколько дней отпуска. Ему ужасно не хотелось сталкиваться с неловкостью совместного пребывания в одной комнате с чересчур вежливым Дрейтоном.

До шуток тоже не было никакого настроения.

Выйдя из здания, Ли Вэй уже собирался набрать номер, но вдруг заметил на дорожке впереди чёрный автомобиль.

Вокруг церкви действовал режим ограниченного доступа. Посторонним вход был запрещён, а машинам сюда и вовсе было пробраться почти невозможно.

Наверное, кто-то из важных фигур ближневосточного религиозного мира.

Ли Вэй скользнул по автомобилю взглядом и не стал обращать внимания, продолжая на ходу вводить номер. Но когда он проходил мимо, прямо напротив капота, раздался гудок:

Би-и-ип!

Увидев, что он не реагирует, водитель с силой нажал сигнал ещё несколько раз:

Би-и-ип! Би-и-ип! Би-и-ип! Би-и-ип!

Это кто же тут такой смелый, совсем суда шариата не боится?

Ли Вэй растерянно поднял голову и увидел, что этим презиравшим закон, поразительно смелым водителем был не кто иной, как господин Уильям Дрейтон. Сначала он резко нажал на газ, решительно выехал прямо на газон, а когда уткнулся в кусты и понял, что дальше дороги нет, распахнул дверцу, выпрыгнул из машины и широким шагом направился к Ли Вэю.

— Куда ты собрался, господин Ли Вэй? Даже если наступит конец света, я, кажется, всё равно

не смогу с тобой связаться, — с порога сказал он и крепко вцепился в предплечье Ли Вэя. — Я ведь ясно велел тебе стоять на месте и не бегать. И, насколько я помню, формально я по-прежнему твой начальник. Неужели ты ни разу не можешь хотя бы попробовать выполнить мой приказ?

Ли Вэй раскрыл рот, собираясь что-то объяснить, но Дрейтон не дал ему ни слова вставить. Этот кабинетный чиновник, который годами сидел в офисе, но благодаря прогулкам и дракам с соперником обладал удивительно крепкой физической формой, с непререкаемым видом подтащил Ли Вэя к машине, запихнул на пассажирское сиденье и с грохотом захлопнул дверцу, после чего удовлетворённо дважды хлопнул в ладони.

— У меня срочное дело, человека я забираю, — сказал он ошарашенной белой верблюдице. — Вы знаете, как с ним связаться. Если что-то понадобится, обсудите потом.

Он всё-таки кивнул белой верблюдице, соблюдая хотя бы видимость вежливости, затем сел за руль, запустил руку в карман Ли Вэя, нащупал там фигурку уродливого кота, вытащил её и швырнул к ногам белой верблюдицы так небрежно, будто выбрасывал мусор. Потом завёл двигатель и умчался прочь.

Уродливый кот наглотался собачьего корма и мрачно пополз по земле.

Белая верблюдица: ...

Вот же грех-то какой!

<http://bllate.org/book/17014/1725107>